

Р. В. Любарский

Культ «Непобедимого солнца» и концепции Карлоса Кастанеды как элементы вторичной реальности романа Виктора Пелевина «Непобедимое солнце»

Вторичная художественная условность в литературе постмодернизма воспроизводится с помощью нереалистических художественных средств. Одним из них является миф. Ввиду того, что в большинстве произведений Виктора Пелевина осуществляется создание постмодернистского пространства, основанного на авторском преобразовании мифологического видения мира различных народов («Бэтман Аполло», «Ампиr V», «Transhumanism Inc.» и др.), автор тяготеет к изображению мифологической вторичной художественной условности. Статья посвящена изучению оккультно-мифологической вторичной реальности романа «Непобедимое солнце». Рассмотрена специфика авторского осмысления культа Sol Invictus и мифических особенностей культового предмета – черного камня; идейно-мифологическое своеобразие культа «Непобедимого солнца» («Sol Invictus») как художественной модели авторского видения окружающего персонажей мира. Исследована интерпретация кастанедовских идей в сочетании с солярным культом. Сделан вывод о том, что оккультно-мифические компоненты объединяют кастанедовский шаманизм и солярный культ в синкретичное постмодернистское художественное пространство.

Ключевые слова: вторичная художественная условность, культ «Sol Invictus», Виктор Пелевин, постмодернизм, роман «Непобедимое солнце», Карлос Кастанеда, концепция, «намерение».

Для цитирования: Любарский Р. В. Культ «Непобедимого солнца» и концепции Карлоса Кастанеды как элементы вторичной реальности романа Виктора Пелевина «Непобедимое солнце» // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 2. – С. 170–183. DOI: 10.35231/25419803_2024_2_170. EDN: OLUAKH

Вторичная реальность занимает значимое место в литературе постмодернизма. Ее возникновение обусловило осмысление расширенного подхода к изображению действительности, отличного от реалистического. По мнению Н. В. Голубович, «термин “вторичная художественная условность” трактуется как сознательное и преднамеренное отступление от правдоподобия, как нечто, не имеющее

аналогов в реальной действительности, нарушающее законы объективной реальности» [3, с. 393]. В. Ю. Грушевская, ориентируясь на теоретико-литературную базу исследования понятия «условность», полагает, что «вторичная условность “характеризуется активным пересозданием природных форм”» [5, с. 10]. Вторичная постмодернистская реальность представляет собой художественный мир, сконструированный с помощью нереалистических художественных средств. Наряду с вышеперечисленными исследователями проблему вторичной условности в советской постсоветской литературе рассматривает в своей работе Д. В. Кобленкова [11].

Одним из таких средств является миф. Изображение вторичной условности в постмодернистских произведениях осуществляется с помощью мифологизации составных компонентов художественного мира автора. Семантическое многообразие мифологических составляющих позволяет постмодернистскому произведению воспроизвести особую действительность. Неслучайно «миф выстраивает целостную картину мироздания, он космографичен; миф креативен, способен конструировать воображаемую, но ненаблюдаемую реальность; <...> миф преодолевает субъективность картины мира художника своей архетипичностью...» [5, с. 11]. По мнению М. Элиаде, «мифы раскрывают структуру реальности и показывают множественные модальности бытия в мире» [19, с. 15].

В своей работе, связанной с произведениями М. А. Булгакова, Н. Голубович выявляет сатирическую, мифологическую и фантастическую вторичную реальность. В большинстве романов Виктора Пелевина осуществляется создание постмодернистского пространства, основанного на авторском преобразовании мифологического видения мира различных народов («Шлем ужаса», «Бэтман Аполло», «Ампиr V», «Transhumanism Inc.» и др.). Тем самым творчество постмодерниста, как мы считаем, тяготеет к мифологическому типу вторичной художественной условности. Таким образом, в романах Пелевина мифологизация является одним из основных способов конструирования постмодернистского мира.

Вторичная условность в произведениях постмодерниста, реализованная с помощью мифа, стала предметом

исследования многих ученых-филологов. Так, Р. Ю. Булгаков выявляет основные эсхатологические мифоэлементы в романах «Чапаев и Пустота», «Омон Ра», «Жизнь насекомых» и др. [1]. Е. А. Сердобинцева анализирует посредством интертекстуальности [15] пелевинский роман «Шлем ужаса» как художественную рецепцию древнегреческого и скандинавского мифов.

М. Н. Иванова рассматривает вторичную реальность романа «t» в качестве объекта, построенного на основе переосмысления Пелевиным биографического мифа Л. Н. Толстого [6]. Данными проблемами занимались и такие исследователи, как И. И. Сахипова [14], В. С. Симкина [16], У. А. Черенкова [18], А. А. Гребешкова [4], Л. Г. Хорева [17] и др. На наш взгляд, особое внимание заслуживает исследование вторичной реальности романа «Непобедимое солнце», воссозданной на основе кастанедовского шаманизма и культа «Непобедимого солнца», оттененного художественно адаптированным историческим фоном.

Таким образом, объектом нашего исследования становятся оккультно-мифологические элементы, связанные с данными мифосистемами. Цель – исследовать особенности художественного воплощения оккультно-мифологических составляющих в контексте романа Пелевина. Задачи: 1) исследовать особенности создания вторичной реальности «Непобедимого солнца» в контексте солярных культов и кастанедовских воззрений; 2) рассмотреть способы построения художественного мира Пелевина с помощью мифических компонентов. В свою очередь, тяготение Пелевина к мифологическому осмыслению действительности способствует формированию уникального творческого мира писателя. Анализ компонентов мифосистемы кастанедовского шаманизма и «Sol Invictus» в романе «Непобедимое солнце» представляет собой новый подход к исследованию литературного процесса и творчества постмодерниста в целом, что и определяет актуальность данной работы. Научная новизна состоит в том, что впервые предпринято изучение «Непобедимого солнца» в качестве синкретичной вторичной реальности, основанной на концепции шаманизма К. Кастанеды и солярно-мифологических воззрениях.

Материалы и методы

В статье применяется комплексный подход к анализу постмодернистского произведения. Используются сравнительно-исторический и типологический методы. Сравнительно-исторический метод реализуется в изучении художественной модели реальности Пелевина в контексте оккультно-мифических систем. Помимо этого, данный метод позволяет рассматривать культ «Непобедимого солнца» неотделимо от конкретной исторической эпохи. Типологический метод помогает выявить литературно-эстетическую общность художественного мира Пелевина и мифологической картины мира, основанной на кастанедовском и древнеримском мистическом осмыслении окружающей среды. Материалом исследования послужил роман Виктора Пелевина «Непобедимое солнце».

Результаты

Постмодернистская картина мира романа «Непобедимое солнце» является синкретичным пространством, созданным на основе кастанедовских и солярных мифов, которые неотделимы от главных героев. Их функциональные особенности приобретают мистический характер и рассматриваются в пределах мифологизированной реальности. Центральный персонаж «Непобедимого солнца» Саша Орлова совершает мистическое путешествие, в ходе которого она осознает открывшийся ей принцип строения мироздания. В первую очередь, заметную роль в ее странствии играет индуистский бог Шива. Пелевин сакрализирует момент встречи с ним. Как говорит, обращаясь к Саше, ее спутник, Ганс-Фридрих, «...назови как хочешь. Назови это тайной мира. Сердцем всего. Ты говорила, на тебя посмотрел Шива» [13, с. 53]. Девушка стремится достигнуть места пребывания бога, которое представляется ключом к познанию сущности явлений, доступной избранным. Неслучайно общение с Шивой становится возможным лишь для Орловой, в то время как восхождение на Аруначалу она осуществляла с подругой и Гансом-Фридрихом. Тем самым автор проецирует эзотерическое путешествие в ирреальное пространство, осознаваемое в виде мифического атрибута Шивы. Следование по данному пути неотделимо от боже-

ственных «знаков». Недаром Ганс-Фридрих призывает Орлову довериться «знакам», а также научиться их читать. «Знаки» представляют собой отправляемые богом или иной инобытийной силой зашифрованные послания. С помощью посланий трансцендентная сущность взаимодействует с человеком, осуществляет общение с ним. Пелевин превращает Орлову в избранную высшими силами девушку, способную осмысливать божественные «указания», смоделированные в контексте ее путешествия. «Знаки», ведущие героиню, художественно приобщаются к постижению Шивы. Так, один из «знаков» репрезентируется в рамках онеройсферной действительности. В произведении находим: «Ночью мне снилось, будто я все еще иду в Софию <...>. За всю дорогу я ни разу не увидела самого собора – сначала его заслоняли архитектурные кораллы, затем он навис прямо над головой невыразительно вертикальной стеной, а потом я была уже внутри» [13, с. 89]. Онейросферное «указание» заключало в себе скрытое сообщение о том, что героине следовало бы оказаться в соборе Святой Софии в Стамбуле. Когда Саша туда попала, она встретила с девушкой-эоном Со. В том же сне Орлова увидела павлина, хвост которого был изображен на корме яхты эона. Подобные онейросферные феномены обусловлены предопределенностью встречи героини и божественной сущности.

С одной стороны, эзотерическое осмысление «указаний» свидетельствует о влиянии на постмодерниста «знаковой» концепции писателя-эзотерика Карлоса Кастанеды, книги которого отражают шаманские воззрения индейцев яки.

Основой для данного утверждения является также то, что Пелевин – автор таких статей, посвященных мистике, как «Мой Мескалитовый Трип», «Икслан – Петушки», «Последняя шутка воина», которые подчеркивают ведущую роль кастанедовских концепций в познании окружающего мира. В произведениях Кастанеды могущественный мистический феномен «дух» дает воинам и «нагвалям» (избранные категории людей, обладающие мистической силой. – Р. Л.) «знаки» («проявление духа», «жесты духа»). Думая, учить ли дона Хуана эзотерическому искусству, маг Хулиан получил «такие указания духа, как <...> маленький смерч, который поднял конус пыли на дороге в паре метров от лежащего дона Хуана» [9, с. 297].

С другой стороны – пелевинские «знаки» представляют собой проекцию христианской специфики общения человека и бога в постмодернистский мир. В Библии сон – один из способов донесения воли Бога до человека. В книге Иова находим: «Бог говорит однажды и, если того не заметят, в другой раз: во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей, во время дремоты на ложе. Тогда Он открывает у человека ухо и запечатлевает Свое наставление, чтобы отвести человека от какого-либо предприятия и удалить от него гордость, чтобы отвести душу его от пропасти и жизнь его от поражения мечом» (Иов 33:14–30). В итоге, на основе вышесказанного создается эзотерико-мифологическая плоскость вокруг образа Шивы в пределах вторичной постмодернистской реальности. Отнесенность Орловой к «знакам» позволяет Пелевину сакрализировать данный персонаж и изобразить его в качестве одного из центральных феноменов эзотерической картины романа. Она становится одним из смыслообразующих субъектов, превращающих собственное пребывание за границей в эзотерическое странствие.

Не менее значимое место занимает включение элементов «Sol Invictus» в данное произведение. Постмодернист связывает культ с определенными составляющими: сирийским богом солнца Элагабалом, императором Варием Авитом и черным камнем. Эон Тим рассказывает Саше, что «[м]аленький Варий танцевал для бога Солнца <...>. Но солнечное божество Эмесы связано с каноническим черным камнем – главной храмовой святыней. Став императором, Элагабал – нового императора прозвали в честь его бога, как Каракаллу в честь его накидки – стал возить эту святыню с собой» [13, с. 271]. В романе осуществляется репрезентация отождествления Элагабала с камнем и императором Варием, что является основой существовавшего в Древнем Риме культа «Непобедимого солнца». Варий, он же Марк Аврелий Антонин Август, «вошел в историю под именем Гелиогабала. В Эмесе, еще будучи юношей, Марк был посвящен в жрецы финикийского бога Солнца Элагабала. Во время своего правления в Риме он занимался главным образом введением культа поклонения Солнцу и постройкой храмов в честь этого божества» [12, с. 189].

Пелевин воспроизводит не только элементы культа, но и историческую личность, тем самым передает специфику почитания Элагабала. По мнению А. Ю. Ильиной, выбор камня в качестве основополагающего предмета поклонения культивов неслучаен. Исследователь отмечает, что «культ проявлялся в поклонении чёрному коническому камню, закруглённому к низу, который считался своеобразным изображением солнца» [7, с. 415]. Однако мифологизированность вторичной условности романа предполагает дальнейшее художественное преобразование «Sol Invictus», а также его компонентов ввиду восприятия повседневности как мифической производной. Солярный культ возникает в контексте постмодернизма во взаимодействии с кастанедовскими концепциями.

Пелевин производит моделирование камня в качестве сверхъестественного оккультного объекта. При этом раскрытие трансцендентного потенциала камня происходит и с помощью включения исторически зафиксированной специфики поведения Антонина. Геродиан отмечает, что «Антонин <...> предался неистовству и, справляя культ местного бога, в котором он был воспитан, с упоением плясал, одеваясь в самые пышные наряды...» [2, с. 203]. Неотделимый от культа «Непобедимого солнца» танец – модель, сопряженная и с историческим, и с мифическим аспектом. При этом танец воспринимается в совокупности с оккультным компонентом и сирийским богом.

Чёрный камень осознается Пелевиным также вместилищем ирреальной силы, которая управляет судьбой людей, вступивших с ним в контакт. Все, что может произойти с человеком, – случайность. Тим, намекая на могущество камня, предлагает возможное развитие событий для Орловой в случае ее ухода. Оно имеет как положительный, так и отрицательный результат: «– Ты в игре, моя девочка. Если будешь вести ее правильно, все будет хорошо. Если нет, с тобой может случиться несчастье. И устрою его не я, поверь» [13, с. 240].

Управляющая судьбой сила основана на кастанедовской идее «намерения». С точки зрения Кастанеды, «намерение – это сила, существующая во Вселенной. Когда маги призывают намерение, оно приходит к ним и прокладывает путь для достижения цели» [8, с. 18]. «Намерение» является могуществен-

ной силой, помогающей магам независимо от них и от кого-либо. Активация «намерения» осуществляется с помощью голоса, что позволяет воину использовать силу по своему усмотрению, управляя ею. Пелевин заимствует подобное парадоксальное отношение к мистической силе. Он вводит окказиональную словоформу «soltator» для обозначения распоряжающегося могуществом солярного камня («sol») посредством танцевального действия. «Soltator» оказывается аналогичен кастанедовскому магу / воину с точки зрения сущности магических способностей, однако постмодернист видоизменяет способ их реализации, заменяя голосовую активацию танцем.

Танец позиционируется в качестве способа общения человека и бога. Танец – универсальный магический язык, благодаря которому реализуется таинство взаимодействия с божественной сущностью, что свидетельствует об эзотерическом понимании данного действия. Ганнис преподносит природу танца Антонину в виде сенситивного феномена: «Ты сможешь говорить с богами на их языке лишь тогда, когда твой танец будет порождать ясные им чувства» [13, с. 343]. Подобное освоение танцевального феномена сопряжено с кастанедовской идеей «последнего танца воина». Танец мистика представляет собой совокупность магических действий, которые выполняются перед смертью, в свою очередь, представленной в качестве ирреальной сущности. Танец воина – язык невербального взаимодействия с ней, тождественный «танцевальному» общению с Элагабалом. Кастанеда пишет: «...если сила воина грандиозна, то его танец исполнен фантастического великолепия. Однако независимо от того, мала его сила или неизмерима, смерть должна остановиться <...>. Этот танец есть рассказ воина о том тяжелом труде, каким была его жизнь, и смерть должна ждать, ибо ей не под силу одолеть воина, пока танец его не будет завершен» [10, с. 173]. Однако взаимодействие человека и бога является одним из основных принципов солярного культа. Ввиду этого, кастанедовская сущность взаимодействия со смертью соседствует в контексте танца с феноменом общения с богом «Sol Invictus».

Пелевин сближает кастанедовское определение «намерения» с управленческими свойствами «soltator» относительно силы камня. Кастанеда раскрывает «намерение» как силь-

ное желание, позволяющее выполнить магические задачи, в особенности, создание и преобразование действительности. Способность Антонина магически воздействовать на окружающую среду (преобразовывать определенные компоненты, создавать или разрушать мир) идентифицируется в качестве желания совершить данную манипуляцию. Однако «танцующий человек на время становится богом <...>. Желания бога и человека должны совпасть <...>. Через эту щель Варий, soltator, может управлять всем миром» [13, с. 351]. Кастанедовская идентичность человека и бога в контексте использования силы в пелевинском художественном восприятии претерпевает существенные изменения. Бог Орел в книгах Кастанеды наделяет мага осознанием – силой, связанной с «намерением», благодаря которой возможно совершать перемещение в инобытие. Воин, принимая часть божественной силы, также становится до собственной смерти (бог забирает осознание) тождественен Орлу. Пелевинское совпадение желаний предусматривает наличие у божественной сущности собственной воли, на которую следует воздействовать, что идет вразрез с кастанедовской трактовкой самостоятельности воина в решении тех или иных мистических задач. В итоге, отдельные аспекты включения танца как объекта эзотерической составляющей культа «Непобедимого солнца», а также «знаковое» освоение реальности неразрывны с проецированием идейного своеобразия эзотерико-мифологических книг Кастанеды. С помощью кастанедовских концепций Пелевин воссоздает возможное мифическое представление о камне в качестве феномена повседневности в пределах художественного мира. Автор раскрывает культовый предмет в качестве эзотерической ирреальной производной, способной сочетаться с мифической картиной мира «Непобедимого солнца».

Стоит отметить, что в изображении мифически воссозданной вторичной условности не менее важную роль играет постмодернистская ирония. Мир, сконструированный Сашей перед камнем «Sol Invictus», оказывается ироничной аллюзией на современность. Так как Орлова во время создания думала про маски с частью черного камня – на Земле свирепствует эпидемия, которая «отличается от плохого гриппа в основном хорошим пиаром» [13, с. 695]. Автор насмехается над чрез-

мерной активностью в информационном поле относительно данного события. Благодаря анимальной словоформе, а также сходству признаков биологического и компьютерного вирусов угадывается ироничное отношение к коронавирусной инфекции. По мнению Ганса-Фридриха, причина эпидемии – «биологический вирус – такая же программа, как компьютерный. Люди варят суп из летучих мышей, мышам это не нравится – и появляется мышинный код от людей» [13, с. 696].

В свою очередь, культ «Непобедимого солнца» функционирует в романе в виде явления, способствующего внедрению мистических составляющих в повседневную жизнь героев. Помимо этого, *Sol Invictus* в сочетании с идеями Кастанеды способствует репрезентации постмодернистского мира, гибкого по отношению к трансформациям различного характера. Изображение культа помогает Пелевину воссоздать и постмодернистскую иронию, основанную на насмешке над событиями обыденной действительности. Именно камень проецирует реальность, связанную с болезнью. Неслучайно концентрация на масках с частью *Sol Invictus* послужила фундаментом для иного мира. При этом солярные и кастанедовские компоненты позволяют автору противопоставить мифореальность созданному Орловой миру. Ввиду наличия мифологических элементов «солярная» и «кастанедовская» действительность является пространством для построения зависящей от танцора системы, которая контрастирует с пораженной болезнью реальностью, лишенной возможности мистического преобразования.

Обсуждение и выводы

Выдвинуто предположение, что вторичная художественная условность Пелевина имеет оккультно-мифологический характер. Данная гипотеза подтверждается тем, что художественное пространство романа «Непобедимое солнце» является следствием освоения различных мифологических систем. При этом внедрение и постмодернистское осмысление религиозно значимого предметного атрибута «*Sol Invictus*», а также связи культа с инобытием свидетельствуют об оккультной природе произведения. Не менее важную роль

в создании оккультно-мифологической модели действительности играет проекция религиозного почитания Элагабала.

Таким образом, «Непобедимое солнце» представляет собой произведение, сосредоточившее авторски интерпретированные компоненты солярной мифологии, а также кастанедовских воззрений. При этом кастанедовские и солярные мифоэлементы служат сегментом, объединяющим их в единое постмодернистское пространство. Одной из подобных составляющих является кастанедовское «намерение», осуществляемое перед черным камнем, что сливает воедино кастанедовский шаманизм с культом «Непобедимого солнца». В свою очередь, кастанедовская идея управления силой для конструирования реальности, полученной от бога, придает танцу дополнительные ирреальные особенности в контексте солярной мифологии (общение с божественной сущностью через камень).

Список литературы

1. Булгаков Р. Ю. Эсхатологический миф В. Пелевина 90-х годов XX века // Литература и лингвистика: вчера, сегодня, завтра. II Всероссийская научно-практическая Интернет-конференция, Казань, 25 ноября 2014 г. – Казань: Синяев Д. Н., 2014. – С. 9–15.
2. Геродиан. История императорской власти после Марка в восьми книгах. – СПб.: Алетейя, 1995. – 280 с.
3. Голубович Н. В. Эволюция вторичной художественной условности в прозе М. А. Булгакова // Новые педагогические исследования. – 2007. – № 1. – С. 40–42.
4. Гребешкова А. А. Миф-имя в структуре повести В. О. Пелевина «Желтая стрела» // Система непрерывного образования: школа-педколледж-вуз. Материалы XIII Региональной научно-практической конференции. – Уфа: БГПУ, 2013. – С. 158–160.
5. Грушевская В. Ю. Становление поэтики необычайного в творчестве Анатолия Кима // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 303. – С. 10–14.
6. Иванова М. Н. Цитаты из биографического мифа в романе Виктора Пелевина «t» // Известия Смоленского государственного университета. – 2012. – № 1 (17). – С. 73–80.
7. Ильина А. Ю. Элагабал и его прозвища // Лига исследователей МГПУ. Сборник статей студенческой открытой конференции. В 4 т. – М.: МГПУ, 2022. – Т. 2. – С. 414–418.
8. Кастанеда К. Активная Сторона Бесконечности. – М.: София, 2014. – 288 с.
9. Кастанеда К. Огонь Изнутри. Сила Безмолвия. – М.: София, 2016. – 512 с.
10. Кастанеда К. Путешествие в Икстлан. – М.: София, 2013. – 288 с.
11. Кобленкова Д. В. Нереалистическая литература vs вторичная художественная условность в советском и постсоветском литературоведении: проблемы изучения // Культура и текст. – 2023. – № 1 (52). – С. 6–18.
12. Мостовщикова Е. А. Сакрализация власти в Римской империи и культ солнца // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – Т. 2. – № 3–2. – С. 186–193.
13. Пелевин В. Непобедимое солнце. – М.: Эксмо, 2023. – 704 с.
14. Сахипова И. И. Аллюзия как прием деконструкции советского мифа в романе «Омон Ра» В. Пелевина // Студенческий вестник. – 2023. – № 45–1 (284). – С. 65–67.

15. Сердобинцева Е. А. Выявление авторской интерпретации античного мифа при анализе романа Виктора Пелевина «Шлем ужаса» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 13 (268). – С. 103–108.

16. Симкина В. С. Деконструкция мифа о духовном пути Л. Толстого в прозе В. Пелевина // Эпическая традиция в русской литературе XX–XXI веков. Материалы XXIII Пешуковских чтений. – М.: МПГУ, 2019. – С. 138–144.

17. Хорева Л. Г. Буддистские и античные мифологемы в творчестве В. Пелевина как отражение современной картины мира // Вестник славянских культур. – 2019. – Т. 54. – С. 257–264.

18. Черенкова У. А. Направления интерпретации мифа о минотавре в романе В. О. Пелевина «Шлем ужаса» // Наука, образование, инновации: актуальные вопросы и современные аспекты. Сборник статей II Международной научно-практической конференции: в 2 ч. – Пенза: Наука и Просвещение, 2020. – Ч. 1. – С. 102–104.

19. Элиаде М. Мифы. Сновидения. Мистерии / пер. с англ. А. П. Хомика. – М.: REFL-book, 1996. – 288 с.

Ruslan V. Lubarsky

The Cult of the "Invincible Sun" and the Concept of Carlos Castaneda as Elements of the Secondary Reality of Victor Pelevin's Novel "The Invincible Sun"

The secondary artistic convention in the literature of postmodernism is reproduced using unrealistic artistic means. One of these tools is a myth. Since most of Victor Pelevin's works create a postmodern space based on the author's transformation of the mythological vision of the world of various peoples ("Batman Apollo", "Empire V", "Transhumanism Inc.", etc.), the author tends to depict a mythological secondary artistic convention. This article is devoted to the study of the occult and mythological secondary reality of the novel "The Invincible Sun". The article examines the specifics of the author's understanding of the cult of Sol Invictus and the mythical features of the cult object – the black stone. The ideological and mythological originality of the cult of the "Invincible Sun" ("Sol Invictus") as artistic models of the author's vision of the world surrounding the characters is considered. The interpretation of Castaneda's ideas in combination with the solar cult is investigated. It is concluded that occult-mythical components combine Castaneda's shamanism and solar cult into a syncretic postmodern art space.

Key words: secondary artistic convention, cult of "Sol Invictus", Victor Pelevin, postmodernism, novel "The Invincible Sun", Carlos Castaneda, concept, "intention".

For citation: Lubarsky, R. V. (2024) Kul't «Nepobedimogo solnca» i koncepcii Karlosa Kastanedy kak elementy vtorichnoj real'nosti romana Viktora Pelvevina «Nepobedimoe solnce» [The Cult of the "Invincible Sun" and the Concept of Carlos Castaneda as Elements of the Secondary Reality of Victor Pelevin's Novel "The Invincible Sun"]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 170–183. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_2_170. EDN: OLUAKH

References

1. Bulgakov, R. Yu. (2014) Eskhatologicheskij v mif V. Pelvevina 90–kh godov XX veka [Eschatological in V. Pelevin's myth of the 90s of the twentieth century]. *Literatura i lingvistika: vchera, segodnya, zavtra* [Literature and Linguistics: yesterday, today, tomorrow]. II Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya Internet-konferenciya, Kazan', 25 noyabrya 2014 g. [II All-Russian scientific and practical Internet Conference, Kazan, November 25, 2014]. Kazan: Sinyayev D. N. Publ. Pp. 9–15. (In Russian).

2. Gerodian (1995) *Istoriya imperatorskoj vlasti posle Marka v vos'mi knigah* [The history of Imperial power after Mark in eight books]. St. Petersburg: Aleteya Publ. (In Russian).

3. Golubovich, N. V. (2007) *Evolutsiya vtorichnoy khudozhestvennoy uslovnosti v proze M. A. Bulgakova* [The evolution of secondary artistic convention in the prose of M. A. Bulgakov]. *Novyye pedagogicheskiye issledovaniya – New pedagogical research*. No. 1. Pp. 40–42. (In Russian).

4. Grebeshkova, A. A. (2013) *Mif-imya v strukture povesti V. O. Pelevina «Zheltaya stre-la»* [The Myth-name in the structure of V. O. Pelevin's story "The Yellow Arrow"]. *Sistema nepreryvnogo obrazovaniya: shkola-pedkolledzh-vuz. Materialy XIII Regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii* [In the collection: system of continuing education: school-pedagogical college-university]. Materials of the XIII Regional scientific and practical Conference. Ufa: BSPU (In Russian).

5. Grushevskaya, V. Yu. (2007) *Stanovleniye poetiki neobychaynogo v tvorchestve Anatoliya Kima* [The formation of the poetics of the extraordinary in the work of Anatoly Kim]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk Pedagogical University*. No. 303. Pp.10–14. (In Russian).

6. Ivanova, M. N. (2012) *Tsitaty iz biograficheskogo mifa v romane Viktora Pelevina «t»* [Quotes from the biographical myth in Victor Pelevin's novel "t"]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of the Smolensk State University*. No. 1 (17). Pp. 73–80. (In Russian).

7. Il'ina, A. Yu. (2022) *Elagabal i ego prozvishcha* [Elagabal and his nicknames]. *Liga issledovateley MGPU. Sbornik statey studencheskoy otkrytoy konferentsii. V 4 t.* [The League of Researchers of the Moscow State Pedagogical University. Collection of articles of the student open conference. In 4 vols.]. Vol. 2. Moscow: MPSU. Pp. 414–418. (In Russian).

8. Kastaneda, K. (2014) *Aktivnaya Storona Beskonechnosti* [The Active Side of Infinity]. Moscow: Sofiya Publ. (In Russian)

9. Kastaneda, K. (2016) *Ogon' Iznutri. Sila Bezmolviya* [Fire from the Within. The power of Silence]. Moscow: Sofiya Publ. (In Russian).

10. Kastaneda, K. (2013) *Puteshestvie v Ikstlan* [Journey to Ixtlan]. Moscow: Sofiya Publ. (In Russian).

11. Koblenkova, D. V. (2023) *Nerealisticheskaya literatura vs vtorichnaya khudozhestvennaya uslovnost' v sovetskom i postsovetskom literaturovedenii: problemy izucheniya* [Unrealistic literature vs secondary artistic convention in Soviet and post-Soviet literary studies: problems of studying]. *Kul'tura i tekst – Culture and text*. No. 1 (52). Pp. 6–18. (In Russian).

12. Mostovshchikova, E. A. (2009) *Sakralizatsiya vlasti v Rimskoy imperii i kul't solntsa* [Sacralization of power in the Roman Empire and the cult of the sun]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina – Bulletin of Pushkin Leningrad State University*. Vol. 2. No. 3–2. Pp. 186–193. (In Russian).

13. Pelevin, V. (2023) *Nepobedimoe solnce* [Invincible Sun]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).

14. Sahipova, I. I. (2023) *Allyuziya kak priem dekonstrukcii sovetskogo mifa v romane «Omon Ra» V. Pelevina* [Allusion as a deconstruction technique of the Soviet myth in the novel "Omon Ra" by V. Pelevin]. *Studencheskiy vestnik – Student's bulletin*. No. 45–1 (284). Pp. 65–67. (In Russian).

15. Serdobintseva, E. A. (2012) *Vyyavleniye avtorskoy interpretatsii antichnogo mifa pri analize romana Viktora Pelevina «Shlem uzhasa»* [Identification of the author's interpretation of the ancient myth in the analysis of Victor Pelevin's novel "The Helmet of Horror"]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. No. 13 (268). Pp. 103–108. (In Russian).

16. Simkina, V. S. (2019) *Dekonstruksiya mifa o duhovnom puti L. Tolstogo v proze V. Pelevina* [Deconstruction of the myth of the spiritual path L. Tolstoy in V. Pelevin's prose]. *Epicheskaya traditsiya v russkoy literature XX–XXI vekov. Materialy XXIII SHeshukovskikh chtenij* [The Epic tradition in Russian literature of the XX–XXI centuries. The materials of the XXI–II Sheshukov readings]. Moscow: MPSU. Pp. 138–144. (In Russian). (In Russian).

17. Horeva, L. G. (2019) *Buddistskie i antichnye mifologemy v tvorchestve V. Pelevina kak otrazhenie sovremennoj kartiny mira* [Buddhist and ancient mythologems in the works

of V. Pelevin as a reflection of the modern picture of the world]. *Vestnik slavyanskih kul'tur – Bulletin of Slavonic culture*. Vol. 54. Pp. 257–264. (In Russian).

18. С.Херенкова, У. А. (2020) Napravleniya iterpretacii mifa o minotavre v romane V.O. Pelevina «SHlem uzhasa» [The direction of interpretation of the myth of the Minotaur in V.O. Pelevin's novel "Helmet of horror"]. *Nauka, obrazovanie, innovacii: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty. Sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 ch.* [Science, education, innovatons: topical issues and modern aspects]. Collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Part 1. Penza: Nauka i Prosveshchenie Publ. Pp. 102–104. (In Russian).

19. Eliade, M. (1996) *Mify. Snovideniya. Misterii* [Myths. Dreams. Mysteries]. Moscow: REFL-book Publ. (In Russian).

Об авторе

Любарский Руслан Васильевич, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 57 кандидат филологических наук (г. Брянск, Российская Федерация); e-mail: ludmila12a@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-9129-0124

About the author

Lubarsky Ruslan V., Teacher of Russian Language and Literature Secondary School No. 57, PhD in Philology (Bryansk, Russian Federation); e-mail: ludmila12a@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-9129-0124

дата получения: 05.02.2024 г.
дата принятия: 30.03.2024 г.
дата публикации: 28.06.2024 г.

date of receiving: 05 February 2024
date of acceptance: 30 March 2024
date of publication: 28 June 2024